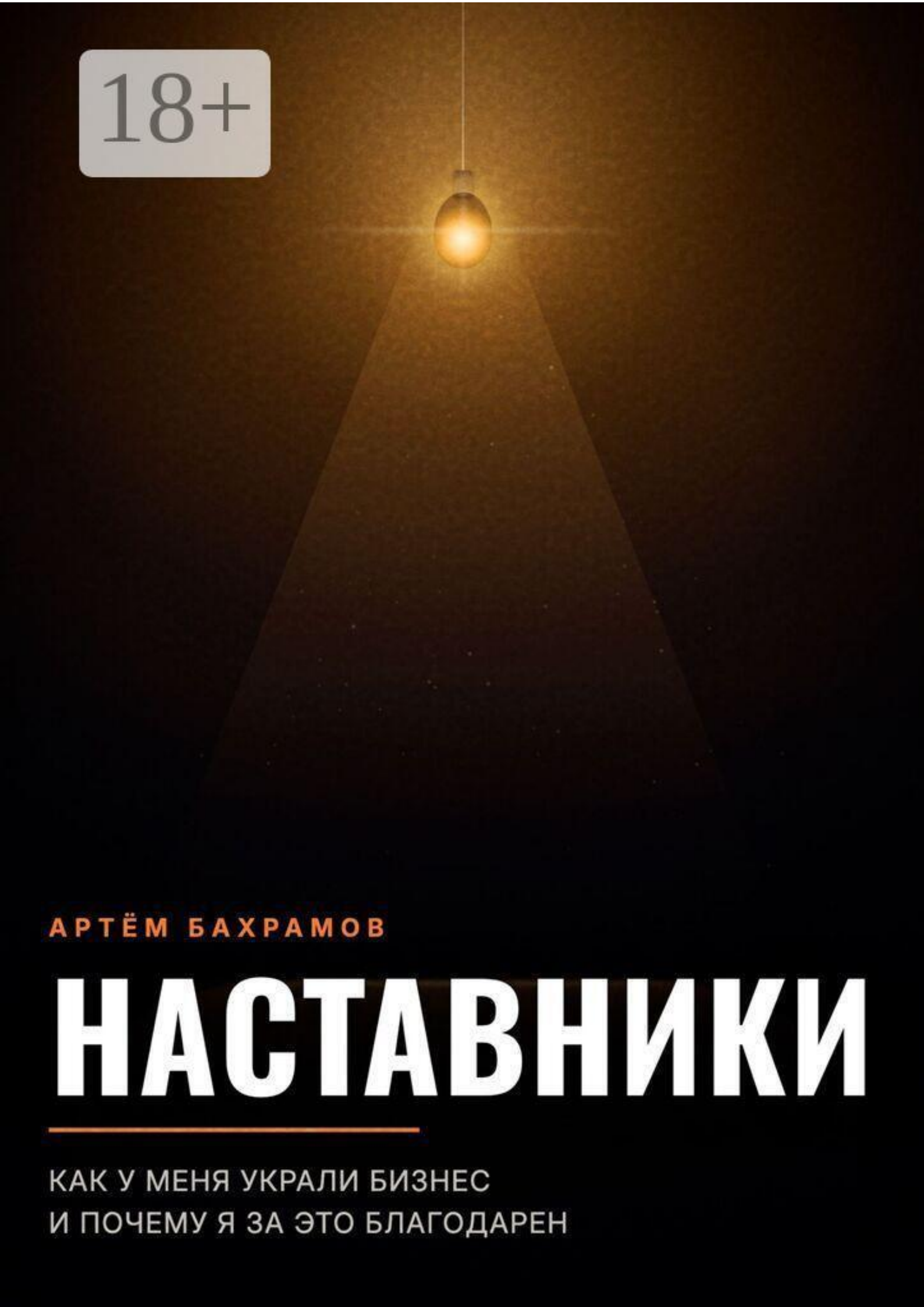

АРТЁМ БАХРАМОВ

НАСТАВНИКИ

КАК У МЕНЯ УКРАЛИ БИЗНЕС
И ПОЧЕМУ Я ЗА ЭТО БЛАГОДАРЕН

Артём Бахрамов

Наставники. Как у меня украли бизнес и почему я за это благодарен

«Издательские решения»

Бахрамов А.

Наставники. Как у меня украли бизнес и почему я за это благодарен / А. Бахрамов — «Издательские решения»,

Четыре года я верил человеку, который называл себя моим наставником. Потом он забрал мой бизнес, аккаунты и канал, которые я строил с нуля. Деревня под Минском, аварийная газовая служба, шесть попыток начать своё дело, своя IT-компания и партнёрство, которое тихо стало ловушкой. Здесь нет советов, как стать миллионером. Есть реальная история: как выглядит манипуляция изнутри и что остаётся, когда теряешь почти всё. Имена изменены, остальное было на самом деле.

© Бахрамов А.
© Издательские решения

Содержание

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА 6
ПРОЛОГ. Тупой и ещё тупее 7
ГЛАВА 1. Моторово 9
ГЛАВА 2. Кровь, которая училась терпеть 11
ГЛАВА 3. Конвой 14
ГЛАВА 4. Шесть раз с нуля 16
ГЛАВА 5. Запах краски 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Наставники
Как у меня украли бизнес и почему я за это благодарен

Артём Бахрамов

© Артём Бахрамов, 2026

ISBN 978-5-0071-6677-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга основана на реальных событиях и отражает личные воспоминания и субъективную точку зрения автора. Имена частных лиц и названия компаний изменены. Отдельные эпизоды художественно переработаны. Любые совпадения изменённых имён с реальными людьми и организациями случайны. Мнения и оценки, высказанные в книге, принадлежат автору.

18+

Литературная редактура: Claude, ИИ-ассистент компании Anthropic. Текст, события и выводы — автора.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Всё, что здесь написано, со мной произошло.

Но я должен сказать две вещи, прежде чем вы начнёте.

Первая. Ни одной переписки того времени у меня не осталось — их снесли вместе с аккаунтами и каналом. Все диалоги в книге восстановлены по памяти. Я старался передать их так, как они звучали, и ручаюсь за смысл каждого разговора, но не могу ручаться за каждое слово.

Вторая. Имена людей и названия компаний изменены. Все до единого, включая те, которые мне дороги. Я писал эту книгу не для того, чтобы кому-то навредить, и не для того, чтобы свести счёты — счёты давно закрыты, и об этом будет в конце.

Я написал её потому, что четыре года верил человеку, который называл себя моим наставником. И если эта история удержит хоть одного человека от того же самого, значит, всё было не зря.

ПРОЛОГ. Тупой и ещё тупее

Я смотрел на экран и не мог понять, шутит он или нет.

В чате появилась новая аватарка. Два идиота из американской комедии. Один в оранжевом смокинге, другой в голубом. Лица людей, которых жизнь обошла стороной.

Под аватаркой — название чата. «Артём и Роберт». Только Артём и Роберт. Без него, без Расима. Хотя группу создал именно он.

Через секунду в чат полетели сообщения — от него.

«Ну что, ребята».

«Кто из вас тупой».

«А кто ещё тупее».

Минск. Март. Я смотрел на этот чат и чувствовал, как внутри что-то проваливается.

Несколько лет я называл этого человека наставником. Несколько лет приводил ему клиентов. Помогал придумывать продукты, обучал менеджеров компании. Я построил под ним сеть из ста восьмидесяти человек. И за все эти годы я ни разу не встретился с ним вживую — только переписка, звонки и его лицо в окошке видеосвязи. Я строил то, что он сейчас, на моих глазах, ломал — походя, со смешком, как ребёнок ломает чужой замок из песка.

«Артём, ты не предприниматель», — написал Расим.

И я вдруг понял — он прав.

Предприниматель — это тот, кто не позволяет другим решать за себя, какой он. Кто строит своё, а не платит за право работать на чужом. Кто видит хищника в овечьей шкуре с первого взгляда — а не на четвёртый год.

Как пацан из деревни Моторово, в восемнадцати километрах от Минска, который в шестнадцать лет дрался с местным зэком за свою девушку, который полтора года конвоировал пожизненно осуждённых, который шесть раз пробовал начать бизнес и шесть раз падал лицом в грязь — как этот пацан оказался в чате с двумя идиотами на аватарке, где его публично называют тупым.

Ответ был неудобный. Но честный.

Я попал сюда, потому что слишком хотел верить.

Хотел верить, что у меня есть наставник. Что есть команда. Что есть «свои». Что если я буду пахать, любить компанию и вкладываться в людей — мне ответят тем же. И я правда был предан, влюблён в продукт, любил то, чем мы занимались. Чем больше человек называет себя твоим наставником — тем внимательнее смотри на его руки.

Не в глаза. В руки. Что они делают. Куда тянутся. Что забирают.

Я закрыл чат и начал вспоминать. Всё — с самого начала. С деревни. С первой любви. С первого предательства. Со всех провалов. С первых денег, заработанных в интернете. С той ночи, когда я понял, что никогда больше не вернусь к крашеным машинам.

Всё это было не зря.

Потому что у этой истории — у моей истории — будет другой финал. Не такой, какого хотел Расим.

* * *

Эта книга — о том пути.

О пацане из деревни, который шесть раз начинал с нуля.

О людях, которых я любил и которые меня предали, — и о тех, кто остался со мной до конца.

О компании, которую я построил вместе с другом и которую у меня забрали те, кто называл себя моими учителями.

О цене, которую платишь, когда хочешь верить. И о свободе, которую находишь, когда перестаёшь. Поехали.

ГЛАВА 1. Моторово

Деревня называлась Моторово. Восемнадцать километров от Минска, Пуховичский район. Если ехать из столицы на восток — мимо полей и редких берёзовых полос, — через час ты окажешься там. Дорога становится хуже. Асфальт превращается в латаный-перелатаный. Появляются заборы, запах скота и бабки на лавочках.

Я родился здесь. И до восемнадцати лет не знал других миров.

Семья обычная. Рабочая. Не нищая, не богатая — ровно посередине. Отец работал. Мать работала. Я помогал с хозяйством — каждый день, без выходных. Огород. Скот. Баня, которую надо было топить дровами. Дрова, которые надо было колоть. Картошка, которую надо было копать. Бесконечная физика бытия — то, что в городе называют «деревенским детством», а на самом деле это просто работа с шести лет до восемнадцати, без перерывов и без вопросов.

Я благодарен за это.

Дело не в том, что детство было прекрасным. Оно было обычным. У меня были вилы, лопата, корова и сапоги круглый год. Я благодарен за другое. В Моторово меня научили работать.

Не «работать на себя», не «достигать целей», не «трудиться ради мечты». А — просто работать. Каждый день. Без вдохновения. Без мотивационных спикеров. Встал — пошёл. Сделал. Поел. Снова пошёл. Снова сделал. Лёг спать. Завтра то же самое.

Эта механика мне потом очень пригодилась. Когда у меня не получалось несколько бизнесов подряд и я ложился ночью с мыслью «всё, я неудачник», а утром всё равно вставал и шёл пробовать заново, — это была не сила воли. Это была привычка. Деревенская. Корова не доится сама. Дрова не колются сами. Хочешь — не хочешь, иди делай или сиди голодным.

* * *

Я закончил школу в Моторово. Школа была обычная, базовая. Учителя — из тех же деревень. Программа советская, чуть подмазанная новой обложкой. Половина учеников после девятого класса шли в колледжи, половина — кто куда. Думать про «университет в Минске» было особо некому. Я пошёл в колледж. Получил профессию — газовщик. Слесарь по обслуживанию газового оборудования.

Звучит мелко, я знаю. Но в восемнадцать лет, в Беларуси, в начале десятых, профессия газовщика звучала как «у тебя будет работа всегда». Газ — это вечное. Газ — это государство, стабильность, пенсия. Родители выдыхали: пристроен.

Я тоже выдыхал. Тогда я ещё не знал, что профессия газовщика для меня будет не финалом, а трамплином. Не зданием, а строительными лесами, которые через много лет я сниму, чтобы построить что-то совсем другое.

Мне шестнадцать. Я в колледже. У меня в кармане первая зарплата с летней подработки. Я стою возле сельского клуба в Моторово, в субботу вечером. Музыка глухо бьёт изнутри. Лето. Запах травы и пыли с дороги.

И я смотрю на одну девушку.

Её зовут Алина. Ей девятнадцать. Она старше меня на три года, и для парня в шестнадцать это — вечность. Это — как из другого измерения. Она знает то, чего я ещё не знаю.

Я знаю Алину со школы. Она училась на три класса старше. Я видел, как она встречалась с Виктором Дроздом — в деревне его все знали и боялись. Потом его посадили. Прошла пара лет. Он сидел. Она ждала. Потом перестала ждать.

И тогда в её жизни появился я.

Я не выбирал. Так вышло. Я просто стоял возле клуба, и она посмотрела на меня. Один раз. Второй. Потом подошла.

В тот вечер я не знал, что эта девушка станет моей первой большой любовью. Что два года я буду жить с ней и для неё. Что я буду драться за неё с человеком, которого боялась вся деревня, — и проиграю. Что её предательство станет первым ножом в моей спине, и за этим ножом последуют другие — от других людей, через много лет, в совсем других обстоятельствах.

Что её предательство — спасёт мне жизнь.

Но в тот вечер я ничего этого не знал. Я просто стоял у клуба, в Моторово, в субботу, в шестнадцать лет. И смотрел на Алину.

ГЛАВА 2. Кровь, которая училась терпеть

Я знал её по имени с десяти лет.

В деревне все знают всех. В четырнадцать я уже знал, что Алина встречается с Виктором Дроздом — самым опасным человеком в Моторово.

Дрозда боялись все. Именно боялись, а не просто не любили. Той деревенской боязнью, когда взрослые мужики переходят на другую сторону дороги, чтобы не пересечься. Невысокий, на полголовы ниже других, но жилистый и плотный, как камень, с тем тяжёлым тюремным взглядом, который получаешь, только если жизнь несколько раз кидала тебя об асфальт. Когда он приходил в клуб, музыку как будто выключали.

Потом его посадили. Она ждала — год, два. Потом перестала. И тогда увидела меня.

* * *

Мне было шестнадцать. Лёгкая клетчатая рубашка, двадцать долларов в кармане, заработанные на сене. В голове — ничего. Просто вечер, музыка, тёплый воздух.

Она прошла мимо и посмотрела. Один раз. Второй. На третий — улыбнулась.

Через час мы целовались за клубом, у забора, где пахло коровником с соседнего двора. Через две недели она стала «моей девушкой».

Любовь в шестнадцать — это не чувство, это температура. Когда ты не можешь есть и три раза переписываешь смс, прежде чем отправить.

И через несколько месяцев нашему «всему» пришла проверка. Дрозд вышел.

* * *

Друг моего брата сказал в среду: «Слышал? Дрозд вернулся». Я кивнул, будто всё равно. В пятницу я снова стоял у клуба, Алина рядом. И он подошёл.

Не громко, не «эй, ты!». Просто встал перед ней. Шире меня в плечах, на восемь лет старше, кожа серая, под глазами тени. Он смотрел на неё, не на меня.

«Привет, Алина. Как жизнь?» — «Лучше, чем у тебя».

И он ударил её ладонью по щеке.

В эту секунду я перестал думать.

В шестнадцать ты не герой. Ты щуплый деревенский пацан, метр семьдесят, шестьдесят пять килограммов мокрого веса. Перед тобой — мужик, который только что отсидел, у которого кулаки как кирпичи.

И ты идёшь на него. Я ударил первым — самый точный удар в моей жизни. Я попал, он отшатнулся. А потом разогнулся.

Дальше — два или три удара, я не считал. Я бил в ответ, но мои удары были как пощёчины. Он бил один раз — я делал шаг назад. Я устоял на ногах, голова кружилась. Это и было моей победой в тот вечер, хотя проиграл я по всем статьям.

А вокруг — деревня. Ребята с моей улицы, мужики у входа. Никто не подошёл. Никто не подал воды, когда всё закончилось. Кто-то тихо смылся, чтобы не попасть под горячую руку.

Я понял тогда, в шестнадцать, под ударами чужого мужика, простую вещь, которая потом станет моим первым правилом в деле. Никто не придёт. Хочешь чего-то — идёшь и берёшь. Падаешь — падаешь один.

* * *

А через несколько месяцев мы с Дроздом подружились.

Звучит дико, но это правда. Страсти улеглись, мы начали пересекаться, однажды сели и поговорили — по-мужски. Он отсидел, вернулся, любил Алину по-своему, криво. И когда узнал, что она его не дождалась, внутри что-то сломалось. Я понял его намного позже, когда сам пережил от неё то же самое.

* * *

Тем летом отец взял меня на работу в соседнюю деревню, Голоцк. Я уезжал в шесть утра, возвращался в одиннадцать, иногда ночевал там.

Что происходило в те ночи в Моторово, я узнал только через два года, когда вернулся из армии. Мне рассказали Юра и Макс — спокойно, без удовольствия, как рассказывают то, о чём давно жалеют, что молчали.

* * *

Была ещё поездка на озеро. День рождения друга, компания человек двенадцать, две машины. Жара, шашлык, выпивка. Алина в ярко-красном купальнике — я его помню до сих пор.

Мы возвращались, набившись на заднее сиденье как селёдки. Алина — посередине, между мной и Жекой Гутько. Я смотрел в окно и услышал её смех — громче обычного, ленивее, тот пьяный женский смех, от которого у меня сжимались зубы.

Я повернул голову. Жека тянул лямку её купальника вниз. Играючи, с пьяной полуулыбкой. Алина смеялась. Лямка съехала, грудь оголилась. На виду у всей машины.

Я заорал — на неё, на него. Машина остановилась, я выскочил. И тут за неё вступился Дима.

Дима — мой сосед. Парень, с которым мы воровали яблоки с одного огорода и бегали на речку. Он встал между нами: «Ты чего на неё орёшь?» — «Не лезь не в своё дело». И мы сцепились.

Драка была короткая. Я был злой и брал верх. Нас разняли.

И вот странность: когда меня молотил Дрозд, никто не вступился. А когда я начал побеждать своего же приятеля — пацаны набежали сразу.

Я молча сел в машину, на переднее сиденье, не оглядываясь. Всю дорогу домой в голове крутилась одна мысль. Она не моя. Она не его. Она ничья. Она их всех.

* * *

Я провёл с Алиной ещё больше года. Делал вид, что не замечаю, как она ходит на пикники, где она единственная девушка среди десяти мужиков. Я знал. Давно знал. Но любил — и в этом была вся проблема.

Любовь в шестнадцать — это плен. Ты понимаешь, что надо бежать, и не можешь: ключ у неё.

Поэтому, когда пришёл военкомат, я в каком-то смысле обрадовался.

* * *

Повестку получил весной. Косить не стал — да и не хотел. Я хотел уехать. Из Моторово, из дома, от Алины, от всего.

Накануне сделал проводы — стол в саду, мать постаралась. Пришли самые близкие: родители, дядя с тёткой, Макс и пара ребят с улицы.

Алины не было. Она была на свадьбе у знакомых, её позвали в свидетельницы. Свидетелем со стороны жениха был Дима. Тот самый сосед, с которым я подрался у машины.

Я не пошёл на свадьбу — у меня были проводы. Она не пришла на проводы — у неё была свадьба. Так и разъехались.

Я узнал в тот же день. Позвонил Игнат — он тоже был там: «Слышь, Артём. Алина вчера на свадьбе с Димой целовалась. Подумал, лучше тебе сказать». Потом ещё несколько звонков — все говорили одно: «Видели. Сочувствуем».

Когда я позвонил Алине, она уходила от ответа. Мы страшно поругались. Не помню слов — помню, что орал, и она орала, и в какой-то момент я понял: это конец.

* * *

Я уехал в армию с открытой раной. Через несколько недель сообщили — Алина выходит замуж. За Диму. За того самого свидетеля. Беременна. От него.

Я не плакал. Сидел на скамейке у казармы, смотрел в небо, и мне было пусто. Не больно — пусто. Как будто кто-то выключил во мне свет.

Полтора года я возил пожизненно осуждённых, бросил курить и постепенно переставал о ней думать. Тот, кто вернулся из армии, был уже не я.

Я не вернулся к ней. Никогда. Хотя она звонила, писала, приезжала ко мне в Минск, плакала под дверью.

Я её отпустил. Не потому, что сильный. А потому, что однажды уже стоял под ударами у клуба и понял в шестнадцать: если сам себя не вытащишь — сгниёшь там, где лежишь.

Я выбрал себя.

* * *

А Дима остался один — Алина бросила и его.

Со временем мы стали близкими друзьями. Тот, с кем я дрался у машины, кого ненавидел за то, что он её увёл, стал мне как брат. Мы занимали друг другу деньги, ремонтировали машины, сидели на его крыльце с пивом и не говорили про неё — никогда. Это было наше негласное правило.

В две тысячи двадцать третьем у Димы нашли рак желудка. Ему было тридцать шесть. За полгода до смерти он закрылся, не отвечал на звонки, никого не пускал. Умер в том же году.

Я стоял у его могилы на кладбище в Моторово, среди тех же берёз, и плакал. По другу. По соседу. По пацану, с которым воровал яблоки. По мужику, которого когда-то ненавидел, а полюбил как брата.

И там я понял то, чего раньше понять не мог. Дима забрал у меня Алину. Снял груз, который я бы тащил всю жизнь. Поставил точку, которую я сам поставить не мог. И я никогда не скажу ему спасибо — потому что его уже нет.

Самое горькое в жизни: ты учишься говорить «спасибо» только над могилами.

* * *

В тот вечер, когда я закрыл эту историю, я постоял на крыльце, посмотрел на звёзды над Моторово и подумал: «Что теперь?»

Двадцать лет, без девушки, без плана, с большой пустотой в груди.

Я ещё не знал, что эту пустоту буду заполнять следующие десять лет — провалами, гаражом, чужими «наставниками» и в конце концов собой. Знал одно: я только что закрыл первую большую главу своей жизни. И больше никогда не позволю никому решать за меня, кто я есть.

ГЛАВА 3. Конвой

Военная часть 5529. Минск. Внутренние войска.

Когда я первый раз увидел плац — широкий, серый, с потёртыми разметками, окружённый трёхэтажными казармами шестидесятых годов постройки, — я почувствовал странное облегчение. Как будто меня выдернули из одной жизни и засунули в другую, простую и понятную. В деревне — Алина, мысли, боль, бессонница. Здесь — устав, форма, сапоги, команда «равняйсь!». Никакого выбора. Никаких размышлений. Просто делай.

Мне это подошло.

Нашей специальностью было конвоирование. Мы возили заключённых — пожизненно осуждённых, женщин, несовершеннолетних, подследственных — по тюрьмам, изоляторам и обменным пунктам. Главная точка передачи — поезда. Старые столыпинские вагоны, которые проходили через Минск почти каждую ночь. Три-пять караулов в неделю. Ночью возишь, днём спишь, вечером — занятия. Я по специальности газовщик. До армии в жизни не видел тюрьмы, не нюхал её, не слышал, как она звучит изнутри. Я её запомнил на всю жизнь.

* * *

Тюрьма пахнет хлоркой, потом, страхом и чем-то ещё — таким, что не вытравить никаким моющим средством. Этот запах въедается в форму. Ты приходишь с караула, снимаешь китель, вешаешь его на крючок — и он пахнет тюрьмой. Заходишь в казарму — пахнет тюрьмой. Просыпаешься утром — пахнет тюрьмой. Сначала ты от этого с ума сходишь. Через два месяца — перестаёшь замечать.

Тюрьма звучит. И звучит она не криками, а скрипом. Скрипом дверей, скрипом наручников, скрипом сапог по бетонному полу. И долгим эхом, потому что коридоры пустые и длинные, и каждый твой шаг возвращается к тебе через секунду.

И тюрьма смотрит. Через глазки в дверях. Через щели в железных решётках. Через глаза мужиков, которые сидят на скамейках в обменных пунктах и ждут отправки. Никто из них не отводит взгляд. Они смотрят на тебя так, как будто запоминают на потом. А ты — восемнадцатилетний пацан из деревни, в форме, с автоматом на плече, с инструкцией «не вступать в разговоры с конвоируемыми». И ты тоже стараешься не отводить глаза. Хотя внутри — холод.

* * *

Командиром у нас был старший лейтенант Корзун.

Были ребята, которые накосячили на карауле — кто-то заснул на посту, кто-то не так доложился. Корзун таких пристёгивал наручниками к турнику в спортзале и бил электрическим шокером.

Турник был. Шокер был. И мужик с погонами, который этим всем пользовался, — тоже был.

Я под раздачу не попадал. Был внимательный, аккуратный, ничего не косячил. Деревенская дисциплина: сказали в шесть утра быть на плацу — ты в пять пятьдесят восемь стоишь на плацу.

Но я видел, как это делалось. Я слышал звук шокера в спортзале. Я видел лица ребят, которые оттуда выходили.

И когда я через много лет познакомился с Расимом — я узнал в нём этот же тип. Тот же холодный взгляд. То же удовольствие от того, что ты держишь кого-то в зависимом положении. Те же шуточки над теми, кого только что унизил. Корзун с шокером и Расим со своими смешками в чате — разные люди, но психологически один и тот же человек.

* * *

Самое тяжёлое в моей службе было не Корзун. Самое тяжёлое было — конвоировать своих.

Так получилось, что несколько раз мой караул конвоировал ребят, которых я знал лично.

Один раз — Генку. Я конвоировал его из СИЗО в тюрьму номер восемь в Жодино. Несколько часов мы провели в одном автозаке — он в наручниках, я с автоматом. Мы смотрели друг другу в глаза и разговаривали обо всём. Я ехал в одном автозаке рядом с этим парнем, с которым мы всё детство и юность провели в Моторово, играли в карты на крыльце его дома, ходили в школу и на дискотеку, — и думал одну простую мысль.

Между нами не было разницы.

Никакой. Мы выросли в одной деревне, ходили в одну школу. У нас были одинаковые шансы. И вот мне — восемнадцать, я в форме, с автоматом на срочной службе. А ему — двадцать, у него срок, у него этап.

Один шаг в сторону. Одно решение. Один вечер у клуба, на котором ты выбрал пойти с этими ребятами, а не с теми. Один поступок, после которого пути расходятся навсегда.

Я тогда впервые в жизни задумался о том, что жизнь — это не судьба. Это серия маленьких выборов: какой выбор ты сделал — там и оказался.

* * *

Был ещё один. Не назову имени — он сейчас на свободе, хороший человек, у него семья. Он сидел в обменном пункте в наручниках, увидел меня в форме конвоя, и его лицо стало растерянным. Он сказал тихо:

«Тёма, ты?»

Я кивнул. Больше мы ничего друг другу не сказали.

Это короткое «Тёма, ты?» врезалось в меня сильнее, чем все шокеры Корзуна, все ночные смены, все запахи тюрьмы вместе взятые. Потому что в этом «Тёма, ты?» было всё. Узнавание. Стыд. Может быть, надежда. И понимание, что нет — не поможет. Я в форме. Он в наручниках. Инструкция.

* * *

В армии я провёл полтора года. Смотрел на Корзуна и учился не разжимать кулаки. Конвоировал друзей детства и понимал, какая тонкая черта отделяет одну жизнь от другой. Бросил курить. Перестал думать об Алине.

Я не стал лучше. Не стал хуже. Я стал другим.

Тот пацан, который уехал в военкомат, остался где-то там, в деревне Моторово, у крыльца дома Алины, под звёздами, с открытой раной в груди. Тот человек, который вышел из части 5529 двадцать седьмого ноября две тысячи четырнадцатого года, был кто-то другой. Спокойнее. Жёстче. С привычкой готовиться наперёд и всегда смотреть людям в руки.

* * *

Я вернулся домой двадцать седьмого ноября. В Моторово шёл снег.

Я зашёл в родительский дом, обнял мать и подарил ей букет её любимых роз. Она плакала. Отец обнял и молча налил мне стопку. Я выпил. Не закусил. Поставил рюмку на стол.

«Ну, — сказал отец. — Что дальше?»

Я посмотрел в окно. На белое поле. На своё отражение в стекле — постриженный, с тёмными подглазьями, в военной шинели, с лычками на погонах.

«Недельку погуляю и буду думать о работе в Мингазе по специальности». Мне двадцать лет. Я только что вернулся с полутора лет конвоя. Я не курю, я не люблю Алину, я ничего не знаю про бизнес, про деньги, про наставников.

И мне всё это ещё предстоит.

ГЛАВА 4. Шесть раз с нуля

В первом ряду на той встрече я сидел и хотел провалиться сквозь землю.

Большой конференц-зал в одной из бизнес-гостиниц Минска. Высокие потолки, проектор, человек двести. На сцене — Егор, помощник Аяза Шабутдинова. Сам Аяз в этот день не приехал, общался по видеосвязи. На экране — его лицо, два метра в высоту. Он говорил что-то про «масштабирование», «нишу», «гипотезу», «MVP». Слова, которые я слышал впервые в жизни. Половину не понимал.

Я сидел в этом зале и думал: «Что я здесь делаю?»

Колхозник. В дешёвых джинсах с рынка. В рубашке, которую мать гладила утром на кухне. В кроссовках, купленных год назад на оптовке, которые уже начинали скрипеть на правой ноге. Двадцать один год. В кармане — квитанция о кредите в банке на шестьсот долларов под двадцать пять процентов годовых. Полгода назад я возил пожизненно осуждённых в автозаках. Сейчас крутил болты в Мингазе слесарем третьего разряда. И вот я — в этом зале. Среди предпринимателей. Среди людей, у которых на руках — умные часы, на ногах — белые кроссовки, в голове — слова, которые я не понимаю.

«Что я здесь делаю?»

* * *

Первые два часа я хотел встать и уйти.

Не из протеста — от того, что мне было не по себе. Я сидел и чувствовал на себе взгляды — может, выдуманные, может, реальные — взгляды людей, которые видели, что я не из их круга. Что я тут случайно. Что я кредит на этот курс взял, а они — нет.

Я почти не слушал Егора. Смотрел в свой блокнот и пытался не выглядеть растерянно. Когда было можно выйти на кофе — выходил один и пил кофе один, чтобы не разговаривать.

А потом объявили нетворкинг. Час на знакомства. Тема — «расскажи о своём бизнесе».

Я хотел сбежать. Уже почти оделся и пошёл к выходу. Но что-то остановило. Может, шестьсот долларов в кредит, которые жгли карман. Может, отцовское упрямство, вбитое с детства. Может, просто стыдно стало — приехал, сижу как пень. Я подошёл к первому попавшемуся человеку. Мужик лет тридцати, в очках, в чёрной футболке с логотипом какого-то стартапа.

«Привет. Я Артём».

«Денис. Чем занимаешься?»

Я не нашёл что сказать. Не было у меня бизнеса. Не было ниши. Был кредит и желание. «Только начинаю».

Денис посмотрел на меня внимательно, секунд десять, и сказал: «Хорошо. С чего хочешь начать?»

Мы говорили минут двадцать. Как двое мужиков, которые что-то делают или хотят делать. Он рассказал, как у него не пошёл первый бизнес — потерял триста тысяч рублей. Я рассказал, как закончил армию и сижу в Мингазе.

Когда нетворкинг закончился, я вернулся в зал — и тот же зал стал другим.

Аяз не научил меня бизнесу. Бизнесу меня пока вообще никто не научил. Но он сделал другое — привёл меня в комнату, где сидели люди другого типа, чем я привык. И сидя в этой комнате, я начал смотреть на свою прежнюю жизнь со стороны.

* * *

Я возвращался домой в Моторово на маршрутке. И в голове прокручивался последний месяц моей жизни.

Звонок от Бори: «Тёма, идём на пиво?!» Я отказался — был на смене. Он обиделся. Сообщение от Гриши: «Денег займи до пятницы, надо догнаться». Я не ответил. Двор у Ива-

ныча, мужика сорока лет, бывшего сварщика, который пьёт каждый день с двенадцати: «Чё ты, Артёмушка, в Минск собрался учиться? Поучись лучше у меня, я тебе сейчас расскажу, как этот мир устроен». И смех — желтозубый, с перегаром, с тем особым деревенским пренебрежением к тем, кто пытается выбраться.

Я ехал в маршрутке и понимал: это не моё окружение. Я не хочу быть как они. И если буду продолжать — я никогда не вылезу.

Я приехал в Моторово, поднялся к себе в комнату и открыл телефон. И удалил половину контактов.

Не всех. Самые близкие остались — Макс, ещё пара ребят. Но Борю, Гришу, ещё человек двадцать удалил. Без объяснений. Без сообщений «прощай». Молча убрал из жизни.

Это был первый по-настоящему предпринимательский поступок в моей жизни. Жёсткое решение о своём окружении.

* * *

Следующие годы были — попытки. Шесть попыток. Шесть провалов. Шесть раз я начинал, верил, вкладывался, прогорал и шёл дальше. Расскажу о них коротко — в том же ритме, в котором прошёл их сам: быстро, чередуя надежду и разочарование, с ощущением, что время летит, а я топчусь на месте.

Первые две — детская одежда и субаренда — сгорели быстро и буднично. Турки слали не те размеры: тридцать шестой приезжал тридцать восьмым, каждый второй заказ возвращался, через месяц по деньгам — ровно ноль. Субаренда чужих квартир принесла копейки и зевоту: продержался четыре месяца и закрыл. Если в поставщике нет качества, а в деле нет тебя самого — ничего не спасёт.

А вот третья врезалась в память сценой. Женское бельё. Швея тётя Валя, эсэмэмщица за пятьсот рублей в месяц, красивый аккаунт. И вот картина: я в подвале многоэтажки в три часа ночи, в спецовке, с фонариком в зубах, нюхаю газ — а в кармане звонит телефон. Клиентка пишет в Instagram[1]. Я печатаю одной рукой: «Здравствуйте, какой у вас размер бюста?» — а другой держу газоанализатор. Через полгода закрыл. Нельзя быть слесарем аварийной газовой службы и владельцем магазина белья одновременно — кто-то из двух мужиков в тебе должен умереть.

Дальше пошло быстрее. Бомбочки для ванн: партия двадцать штук, за месяц продал три. Постельное бельё из Иваново на восемьсот долларов: за два месяца пять продаж — его в Беларуси берут в магазине, а не у безымянного парня в сети. Игрушки для взрослых: анонимный аккаунт без лица, потому что в Моторово неудобно, чтобы все знали, что Артём торгует вибраторами. Один покупатель попросил доставить лично — «хочу с вами поговорить». Я отказал. Через два месяца закрыл и это.

Шесть раз начинал. Шесть раз закрывал.

Я сидел вечером в своей комнате в Моторово, смотрел на потолок и думал: «Я неудачник».

* * *

Эта мысль приходила и уходила.

Каждый раз, когда я закрывал очередное направление, в голове возникало: может, я не предназначен для бизнеса. Может, моё — это слесарка в Мингазе. Что меня спасало? Не вера в себя. Не самовнушение. Не мотивационные видео. Спасала привычка, вбитая в Моторово: завтра снова утро, и снова надо что-то делать.

Я ложился спать, спал шесть часов, вставал и шёл. И постепенно начинал верить, что у меня получится. Я шёл, потому что был не из тех, кто сидит на месте.

---

[1] Экстремистская организация, запрещённая в РФ.

Шесть провалов — это не поражение. Это профессия. Только без диплома и без преподавателей. С экзаменами, которые сам себе ставишь, и оценками, которые видят только в банковском приложении.

* * *

И где-то в этих метаниях — между женским бельём и игрушками для взрослых — я случайно сделал то, что в итоге стало моим первым настоящим бизнесом. Часть этих попыток шла уже параллельно с тем, что росло у меня в гараже, — я просто ещё не понимал, что это и есть главное.

Я купил машину. Не для перепродажи. Для себя. Старенький Опель.

И — как бывает с парнями, у которых первая машина — я начал её ремонтировать сам. Это была не работа. Это было хобби. То, что мне реально нравилось. Шесть раз я делал то, что советовали другие. На седьмой — случайно начал делать то, что любил.

ГЛАВА 5. Запах краски

Я стоял посреди гаража и смотрел на свой Опель.

Зима, минус десять, изо рта пар. Лампочка под потолком жёлтая, мутная, висит на проводе. Бетонный пол, на котором каждое пятно — история какого-то механика до меня. В углу — старая печка-буржуйка, которая не справляется. Воздух пахнет соляркой, металлом и моим выдохом.

Передо мной — Опель, который я купил за четыре с половиной тысячи долларов. Все мои сбережения. Всё, что я смог собрать за годы Мингаза и провалов. Всё, что у меня было, стояло сейчас в этом гараже, на полуспущенных колёсах, с поцарапанным левым крылом, с облезшим лаком на капоте, с ржавчиной по аркам и порогам.

Машина была не мечтой. Машина была моим первым клиентом.

«Артём. Несколько раз ты пробовал делать то, что советовали другие. Несколько раз ноль. Может, пора попробовать то, что нравится тебе?» Мне нравились машины. Не как у мажоров — в смысле «Гелик за миллион». А как у деревенских пацанов, которые в шестнадцать уже умеют поменять масло сами. Запах бензина и звук ключа, ударяющего о металл.

* * *

Я начал с локального ремонта. YouTube, канал за каналом: как зачистить ржавчину, как зашпаклевать, как смешать краску по коду, как настроить компрессор.

Первую неделю делал левое крыло. Получилось неплохо. Отошёл на три шага, посмотрел при свете жёлтой лампочки — почувствовал гордость. Отошёл на пять — и увидел, что крыло другого оттенка. Чуть зеленее заводского. Пороги — те же. Капот — снова чуть другой. Через месяц мой Опель выглядел как лоскутное одеяло.

Тогда я разобрал машину полностью. Снял двери, бампера, крылья, капот. Зачистил, зашпаклевал, выровнял, загрунтовал и покрасил Опель целиком. Когда собрал — это была другая машина.

Сфотографировал. Поставил рядом фото «до». Выложил в Instagram[2]. Без хэштегов, без таргета. Просто два фото и подпись: «Мой Опель. Сделал сам. Если кому нужно — пишите».

Через неделю написал первый незнакомый человек.

* * *

У него была Шкода Октавия, помятая дверь. Кто-то приложил на стоянке и уехал. Он увидел мой пост и приехал.

Помню, как он стоял у моего гаража, в кожаной куртке, поглядывая по сторонам — наверное, думал, что попал к жуликам. Гараж старый, я в спецовке, лицо в пыли. Я открыл ворота, показал свой Опель. «Вот, делал сам. Так же сделаю и вам».

«Сколько?»

Я назвал цену раза в два меньше сервисной. Не потому что демпинговал — потому что не знал, как ещё. Я был новый.

Он согласился и оставил машину. Когда приехал забирать — обошёл, посмотрел на дверь, провёл рукой. И сказал: «Хорошо сделано».

Два слова. Он отдал деньги, сел за руль, уехал. А я остался стоять у ворот гаража, с купюрами в руке, и понимал — со мной только что что-то случилось.

* * *

После Шкоды пошли другие. Соседи, сарафан, потом свой аккаунт в Instagram[3]. Через год с Саней мы выходили на тысячу долларов в месяц каждому. Саня пришёл по объявлению

[2] Экстремистская организация, запрещённая в РФ.

[3] Экстремистская организация, запрещённая в РФ.

— я выставлял свой старый гараж в аренду. Оказалось, он тоже кузовщик. Предложил работать вместе. Я согласился. Договорились простыми словами: делим пополам, без юристов, без бумаг. По-человечески. Это была одна из самых здоровых деловых договорённостей в моей жизни. Полная противоположность тому, что сделают со мной через несколько лет Расим и Влад, — люди, с которыми у меня не будет ни бумаг, ни человеческого слова.

Полтора года мы пахали. Не было выходных. Машины стояли в очередь. Я был свободен — впервые в своей взрослой жизни. И именно тогда, на пике, я понял, что мне в этом тесно.

* * *

Дышать краской каждый день — это не метафора. Это химия в лёгких, в крови, в коже. Мать говорила: «Артёмушка, от тебя пахнет, как от автозаправки». Шпаклёвка въедалась в кожу — кассирша в магазине поглядывала на мои ногти. Спина болела. Колени. Голова после восьми часов в респираторе.

Я начал искать спецов, чтобы строить команду. Ходил по гаражным кооперативам. Нашёл двоих-троих хороших. Начал переговоры — и упёрся в стену. Каждый считал себя звездой. Каждый гнул цены так, что я бы работал в ноль. Каждый разговор отнимал сил больше, чем три машины.

Я понял про себя важное. Я не люблю переговоры с людьми, которые пришли доить. Я умею работать с теми, кто открыт. Я отошёл. Сказал себе: команды не будет. Будет Артём и Саня.

А потом Саня сказал, что уезжает.

Однажды утром мы стояли у разобранной Тойоты. Он вытирал руки тряпкой. «Артём, мне надо тебе сказать. Я в Польшу собираюсь».

«Понял. Когда?»

«Через месяц».

«Окей».

Мы пожали руки. Доделали Тойоту. Поделили деньги. Через месяц Саня уехал. Я остался один в гараже.

* * *

Бизнес есть. Клиенты есть. Аккаунт есть. А меня — нет. Не в смысле «мне плохо». В смысле — меня нет в этой работе. Я её делаю, потому что научился. Но не растворяюсь, как раньше.

Я захотел другой жизни. Уехать из Беларуси. Путешествовать. Зарабатывать с ноутбука, из любой точки мира. Я смотрел YouTube — люди делали бизнес онлайн, работали из кафе на Бали. И я понимал — я могу так же.

Я сидел один в этом гараже, после очередного дня с краской, и впервые в жизни не просто хотел — я ясно представлял. Видел себя за ноутбуком, где-то у моря, в тёплой стране, свободным от болтов, от подвалов, от шпаклёвки. Это была не мечта — это было решение. Как будто я уже знал, что так и будет. Просто ещё не знал как.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.